

Переход к горам был стремительным и интенсивным. Двое рыцарей Бардольфа умерли секунду назад, удерживая узкий проход, пока остальные продолжали подъем в гору. Стаи летающих хищников окружили нас, бесконечно атакуя в стремительных налетах, но массивный огонь стаббера и взмахи лезвий держали их на дистанции.

Позади нас осталась Викара: огромная пустошь, бурлящий кошмар огня и радиации. Плотные колонны дыма, изрезанные молниями, рвались в небо из разрушенного храма-кузницы. Окружавший его рой обратился в пепел, а те, кто выжил после разрушения, тратили драгоценные минуты, пребывая в смятении.

И благодаря этим минутам мы спасли свои жизни.

Невероятно, но почти половина прогена схолы Викара все еще с нами. Раюм Бартаум кричал на молодняк, управляющий поврежденными машинами, окутанными дымом и изрешеченными хитиновыми шипами. Многих прогена серьезно ранило, но они не показывали свою боль, когда Бартаум и другие инструкторы втаскивали их в менее поврежденные грузовики.

Выход в горе пробитый орудиями Хоукштрауд, несоизмеримо мал для габаритов «Капитол Империалис», но усилиями наших боевых пушек, он расширился в какофонии глухо детонирующих камней. Куски камней шумной лавиной валились вниз.

— Его макроорудие могло бы расширить проход одним выстрелом, — сказал Теллурус, задняя сторона его доспехов уже скрылась в завесе дыма. Его выхлопные вентиляторы горели вишнево — красным, энергоядру грозило неминуемое расплавление.

— Но, с тем же успехом может полностью обрушить его, — ответил Бардольф, разрубая булыжники лезвием. — Риск слишком велик.

Возможно Бардольф прав, но я сомневаюсь, что этот риск не стоит скорейшего расширения прохода. После невыносимо долгих мгновений, проход наконец-то был открыт достаточно широко.

— Нужно спешить, — сказал Бардольф, обходя «Капитол Империалис» с тыльной стороны. Я проследил за его взглядом, и увидел монструозных размеров, похожих на пауков, тварей на горизонте.

Титанические био-убийцы с огромными, хитиновыми ногами и тысячной ордой выводка, покрывающей их раздутые животы. Вспышки био-плазматической энергии прыгали между ног био-титанов, и светились в челюстях.

Рыцарь могущественная боевая машина, но даже наша сила не сравнится с такими колоссальными биологическими машинами разрушения и поглощения.

— Да, — сказал я. — Нужно спешить.

Мы снова вступили во тьму, следуя подземным рельсовым путям обратно в Вондрак прайм.

Расщепляющий выстрел макроорудия уничтожил проход, оставшийся позади.

Ничто теперь не сможет пройти через него. Десять часов минуло с тех пор, как мы вновь погрузились в удушливые туннели. Мы здорово сократили путь, следуя маршрутом, записанным по пути в Викару, сэкономив тем самым уйму времени. Любые неточности пути теперь исключены, но ужас страданий тех, кто застрял здесь, никуда не делся.

Опаленные огнем стены все еще отражали крики тех, кто был пойман, когда туннели заблокировали из-за тиранидской угрозы. Их тела были повсюду, погибшие в транспортных или прямо там, где они цеплялись за камень, в бесплотной надежде спастись. Не было нужды петлять между брошенным транспортом с несчастными пассажирами в них. «Капитол Империалис» Врила незаметно для себя расплющивал их своим огромным весом.

— Простите нас, — вымолвил я, слыша, как стонет раздавленный металл, представляя, как вместе с ним трещат кости и лопаются связки.

Бардольф и я возглавляли колонну, гигантская дуга прожекторов на огромной как утес фронте «Капитол Империалис» освещал тьму впереди. Наши тени, вытянувшись ползли перед нами.

Капель с потолка, подобно слезам, текла с моей кабины.

Я сосредоточился на ауспике. Невооруженный глаз видит слишком много теней и мест где можно спрятаться. Я двигался машинально, ускоряя рыцаря так, чтобы не отстать от собратьев.

Протесты прежних владельцев брони становились все болезненнее. Будет неплохо отстраниться от них на время. До тех пор как пустота в душе после их присутствия не заставит снова соединиться с броней.

Все, что я сейчас хочу, это покинуть эти проклятые туннели.

Я хочу вернуться к Корделии.

Каждый шаг, каждый поворот, каждый пройденный коридор, ведущий к Вондрак прайм приближали меня к этой цели. Я не сдержал нервный вздох, когда ауспик подтвердил то, что я видел своими глазами.

Мы достигли более широкого туннеля — основной артерии ведущей обратно на поверхность.

Это маленькая точка света виднеется на удалении? Или это лишь принятие желаемого за действительное, представление, будто мы достигли нашей точки входа?

Ауспик проскрежетал предупреждение, и мое зрение залилось красным.

Скрипящие твари наводнили стены, появляясь из отключенных вентиляционных шахт и разорванных трубопроводов.

Осветительные огни отражались от неисчислимого количества усиленных панцирей и продолговатых безволосых черепов. Многочисленные конечности, влажные от покрывающей их слизи, сверкали острыми когтями в лучах света.

Я видел зубы, и черные, как оникс глаза.

Когти скребли по камню, когда они прыгали на крышу и бока «Капитол Империалис». Больше спрыгнуло на землю в стойке охотящегося хищника. Слишком много чтобы сосчитать.

Они шипели и трещали. Черные языки пробовали воздух.

Мой предупреждающий крик назвал имя этих монстров.

— Генокрады!

Малкольм резко выдохнул, когда соединительные кабели вошли в слоты вдоль позвоночника. Он ощутил мощь своих конечностей и моргнул, когда взгляд изменился от включения бортовых систем его брони.

Вердус Феррокс обрел иные очертания, глазами рыцаря он видел боевую зону, с линиями атаки, точками сбора и огневыми точками.

Рыцари, оставленные ему Роландом, ожили вокруг него, каждый изгибался и извивался, когда человек и машина сливались воедино в совершенном союзе. Джейми Гаррат сделал шаг вперед. Типично для молодого щеголя.

Энох и Силиус ждали его. Стефан поднял «Жнец», его механические зубы ожили в ожидании боя.

Который возможен, если все пойдет не по плану.

Малкольм не хотел кровопролития, но он был готов к нему.

Фарримонд сидел в кабине своего наспех отремонтированного рыцаря. На взгляд Малкольма, он потерял былую подвижность.

— Мне стоит приказать тебе держаться позади, — сказал Малкольм.

— Только попробуй, — возразил Фарримонд.

— Хотя бы один из нас должен выжить, если все покатиться к чертям.

— Ты считаешь, что это возможно? — спросил Гаррат.

— Более чем вероятно, но, если дом Кадмус хочет стать по-настоящему великим, это должно быть сделано несмотря ни на что.

— Тогда давайте начинать, — произнес Гаррат.

Малкольм кивнул и зашагал по Вердус Феррокс. Хранители кинулись в рассыпную с его пути, мимоходом он удивился, почему Текстон не проинспектировал ремонт.

Во главе своих рыцарей, Малкольм достиг врат храма-кузницы. Они с шумом открылись, и Малкольм остановил продвижение, когда заметил женщин, собравшихся по ту сторону врат.

Леди Корделия стояла во главе, с Айкаториной и Эйлиной по сторонам. Кассия стояла позади Корделии, склонив голову и прижав книгу к груди.

Корделия шагнула вперед, ее лицо выражало неумолимую решимость.

— Ты понимаешь, на что ты идешь? — спросила она.

Малкольм наклонил рыцари вниз, пока его голова не оказалась прямо над Корделией. Она бесстрашно взглянула на него.

Для кого-то столь крохотного, кого-то, кого он может раздавить без видимых усилий, она демонстрировала силу и холодный расчет, не замеченный им в ней до этого момента.

— Чертовски хорошо понимаю, — ответил он.

— Как только ты вступишь на этот путь, назад дороги не будет.

— Я не из тех, кто поворачивает назад, леди Корделия, — сказал Малкольм. — Вам следовало

бы знать это обо мне.

— Боевые орудия, — произнес я.

Моя команда активировала красное кольцо прицела. Слишком много возможных целей. Ауспик едва справлялся с фиксацией лучших решений для стрельбы. Я проигнорировал его, и выстрелил не

целясь.

Отдача сотрясла мою руку. Приятное ощущение.

Спаренный снаряд взорвался среди роящихся генокрадов. Я выпустил еще два, затем еще. Я пытался расчистить путь, но эти твари быстро заполняли выбитое мною место.

Бардольф возник возле меня. Его рыцари добавили огонь из своих орудий к организованному заградительному огню. Все больше и больше тиранидов приближалось к нам. Огонь стабберов и боевых орудий врезался в ближайшую группу перед нами.

И вот, они уже повсюду.

Бесчисленные когти кромсали мою ножную броню. Я сдержал крик боли от каждого нанесенного пореза. Твари покрывали меня, как ритуальные накидки во время тренировочного курса.

Нескольких, я уничтожил боевым орудием. Реликтовый меч неустанно подымался и опускался, разрубая их на куски. Рев лезвия десятикратно усиливался узким пространством туннеля.

Я крушил ксеноформы под ногами, и чувствовал, как они лопаются на части.

Точечные защитные стволы «Капитол Импералис» палили без разбору по всему туннелю. Магос Врил знал, что его оружие причиняет лишь минимальный ущерб нашей броне, но для генокрадов оно смертельно.

Я потерял контроль над ходом битвы. Восприятие ситуации затерялось в творящемся хаосе, и я шатался по туннелю, облепленный генокрадами, цеплявшимися за мою броню. Что-то вгрызлось мне в ногу, заставив опуститься на одно колено прямо посреди брошенного конвоя топливных танкеров, попутно раздавив один из них. Вязкая жидкость хлынула наружу, и я резким движением поднялся на ноги, яростным движением сбросив генокрадов со своего корпуса.

Теллур сражался как одержимый: его поврежденный меч крошил шипящих убийц с

ошеломляющим мастерством. Его рыцарь двигался с невиданной скоростью и точностью.

Актис Бардольф бился среди своих рыцарей, ни на секунду, не оставляя возложенный на него долг оберегать «Капитол Имperiалис». Дом Кадмус сплотился вокруг меня, образовав круговую оборону из уже немногочисленных рыцарей.

Родерик содрал зверя с моей ноги точечными выстрелами стаббера. Уильям и Антонис присоединились к кругу сопротивления, ведя огонь из пушек и термальных копий.

Еще один био-сигнал рыцаря моргнул и погас.

Мой ауспик переполнен, так что я не мог увидеть кто именно погиб.

Туннель превратился в мигающий кошмар из света и тьмы. Чужие разбили дугу света на механическом левиафане Врила. Только огни прожекторов рыцарей беспрестанно прыгали из стороны в сторону, пока мы сражались за свои жизни.

Генокрады продолжали лезть из трещин в стенах и внутренней системы труб. Я заметил небольшую группу, отделившуюся от основной, снятую объединенным огнем из несущихся на полной скорости трио «карго-8».

Последние из прогена были все еще живы.

Раюм Бартаум стоял в задней части каким-то чудом все еще движущегося транспорта, не говоря уже о том, чтобы вести за собой другие через обломки битвы, наполнившие туннель.

Он взглянул на моего рыцаря, и я понял куда они направляются.

Я хотел крикнуть ему, но между нами не было связи. Я не озаботился установить вокс протокол между нами, полагая, что он и его отряды будут мертвы еще на подходах к горе.

Как заносчиво с моей стороны. Как пренебрежительно я отнёсся к героизму обычного человека. Я не мог остановить его, так что я сделал лучшее из того что еще мог. Я с честью его величайшую жертву.

— Всем рыцарям, — сказал я. — Приготовиться к удару.

Архимагос Кирано уже привык к наглости рыцарских домов, особенно к Кадмус, но слышать такие заявления от женщины было уже чересчур.

Он стоял на служебной платформе в центре основных врат храма-кузницы, наблюдая вид,

который можно было смело назвать восстанием.

— Прояснение: это какая-то шутка?

— Могу вас заверить, что нам совершенно не до шуток, — ответила Корделия из дома Кадмус. Супруга барона Роланда стояла в окружении рыцарей Кадмус и их жен.

Не будь ее требования столь серьезны, он бы посмеялся над ней.

— Это выходит за все возможные границы, — сказал Кирано.

— Я хочу увидеть адепта Немоникса.

— Кого?

— Адепт Немоникс, — повторила Корделия. — Ваш бойцовский пес. Тот самый адепт, которого вы послали, чтобы склонить дом Кадмус вернуться под Марсианский контроль.

— В моей кузнице подобных адептов нет, — произнес Кирано, удостоверившись теперь, что эта женщина не в своем уме. — Да, я запросил у хранителей данных выслать агента, но он никогда не появлялся в Вондраке.

— Знаете, я думаю, что вы искреннее верите в это, — сказала Корделия. — И это делает вас такой же жертвой его манипуляций, как и дом Кадмус.

— Леди Корделия, неужели вы считаете, что если в моей кузнице появится незарегистрированный адепт, я не узнаю об этом?

— Полагаю, что вы знали об этом, но благополучно забыли.

— Моя нейро-аугментация ничего не забывает.

— Я знаю, что он в вашей кузнице, — настаивала Корделия, вытаскивая вперед человека в робе Хранителя. — Сборщик Текстон может быть лишь простой Хранитель для вас, но он гораздо сообразительней и дотошней, когда дело касается поиска вещей.

— Леди Корделия, я уверяю вас...

— Заткнитесь, я не закончила, — прервала его Корделия. — Адепт Немоникс очень умен по части стирания следов своего присутствия, одурачивания машин и людей, кто доверял им свою память. Но, когда ты знаешь, чего не искать, оказывается достаточно просто найти кого-то, кто

думает, что его не найти.

— Я абсолютно не понимаю, о чем вы говорите леди Корделия. У меня нет времени для ваших загадок и глупостей.

Супруга барона Роланда вздохнула и подняла руку.

— Все очень просто, архимагос, — сказала она. — Или вы откроете врата, или я попрошу сира Малкольма и его славных рыцарей снести их.

Угроза насилия против его кузницы ужаснула Кирано, но он не их тех, кто подчиняется чьим-то женам.

Прежде, чем он собрался отвечать на угрозу леди Корделии, из громоздкого механизма врат раздался тяжелый бас, пришедших в движение зубчатых колес. Двойные створки приоткрылись, и начали величавое движение наружу.

— Что вы сделали? — потребовал Кирано, в ужасе от такого грубого вторжения в его святая святых. — Это грубейшее нарушение Основных Правил Механикус, установленных самим Бинарным апостолом!

— Это не я, — ответила Корделия, когда рыцари прошли через открытые врата с оружием наготове. — Подозреваю, вы обнаружите, что это адепт Немоникс впустил нас внутрь.

Грузовики с прогена мчались навстречу брошенным топливным танкерам. Непонятно откуда взявшаяся команда танкера была практически в безопасности, если бы не скала, завалившая выход и их судьбу.

Раям Бартаум стоял на задней площадке грузовика. Он плотно прижимал экзотического вида оружие к своему телу, я узнал его: конический ствол и витой магнитный ускоритель, без сомнений — это «Марк XXXV Магнакор» Бартаум обращался с ним со сноровкой опытного стрелка.

Рыцарь видел тоже, что видел я, и знал, что сейчас произойдет.

Два заряда сине-белого огня вырвались из плазмо-ружья Бартаума. Слишком быстрые, чтобы проследить за ними, первый заряд ударил в танкер, развороченный моим падением, второй пробился через бронированную шкуру стоящего чуть поодаль.

Прометиум воспламенился с оглушающим хлопком.

Тьма исчезла, когда десятки тысяч литров летучего топлива одновременно взорвались.

Огненный шар под высоким давлением ворвался в туннель с нестерпимо громким ревом, мгновенно испепелив транспорт Бартаума.

Кошмарный жар наполнил кабину моего доспеха. Ужасный, ни с чем не сравнимый жар спалил множество сложных внутренних механизмов. Я чувствовал, как кожа на руках обжигается об металл креплений моего трона Механикус.

Я чувствовал невыносимую боль от этих ожогов, но я выживу.

У генокрадов не было даже такой защиты.

Я видел, как их поглотило ударное облако огня, испепелив их до состояния жирного осадка, осыпавшего мою кабину. Пламя продолжало движение по туннелю, стирая все знаки отличия с наших доспехов, уравнивая нас.

Флаги домов и знаки почетных сражений сгорели дотла, сдетонировавшие патронташ и топливные емкости, моментально привели оружие в негодность.

Боль невероятная, но выжить можно.

Я слышал скрежещущий вопль чужих, перекрывавший даже рев пламени. Как свист насекомого, сгорающего под увеличительным стеклом, или вопли мутанта, с разорванным животом умоляющего о смерти.

Жар продолжал расти, теснота туннеля увеличивала силу пекла. Я повернул свой доспех по направлению к свету, и двинулся сквозь бушующие облака живого пламени.

— Со мной! — прокричал я в вокс. Жар внутри кабины высушил глотку. Я едва мог двигаться и надеялся, что мои рыцари и Хоукшрауд услышали приказ.

Защищенные внутри «Капитол Империалис» магос Врил и его adeпты будут в безопасности от идущего по туннелю пламени. Если какие-либо ксено-организмы и смогут последовать за нами по туннелю, то только от огненного шока.

Я прорывался через адское пламя. Каждый шаг — это маленькая победа. Жар внутри достиг своего предела.

Мое зрение плыло. Пот покрывал меня, как вторая кожа.

Я ускорился.

Каждый ауспик и все внешние сенсоры вышли из строя в мгновенной вспышке сдетонировавших танкеров. Я больше не мог сказать, как далеко мы были от поверхности.

Ромб света становился все больше и больше, пока я карабкался по труднопроходимому склону туннеля. Я почти что чувствовал холод, чистый воздух затянутый внутрь подземных сетей. Я открыл кабину и полной грудью вдохнул свежий воздух, вздрагивая от холодных дуновений касающихся моей кожи. Болезненное ощущение, но желанное. Глаза саднило от жара, и я сморгнул прочь колючие слезы.

Я увидел размытые, угловатые очертания входа в туннель, и понял, что мы спаслись.

— Сир Грегор? — произнес я. — Сир Мартин?

Ни один из оставленных мною рыцарей охранять вход не подал голос, но я не удивлен. Так много систем брони были повреждены или уничтожены, что поразительно как я вообще стою, не говоря уже о том, чтобы отдавать команды.

Я продолжал идти, и очертания впереди прояснились.

Не было ни сира Грегора, ни сира Мартина.

Непонятно откуда взявшийся ликтор прыгнул на мою открытую кабину. Его ноги ударились в грудь рыцаря и хлещущие, рубящие когти с силой погрузились в пластины брони. Челюсть, полная щупалец, раскрылась, обнажая клыки, торчащие во всех направлениях.

Я не мог двинуться. Я не мог избежать этой атаки.

Суставчатые когти, похожие на серпы, потянулись ко мне для удара.

Но прежде чем они тронули меня, отрезок обугленной стали перехватил его. Сломанное пиле-лезвие проревело на расстоянии вытянутой руки от моего черепа.

«Жнец» извернулся, и тонко разрезал передние конечности ликтора. Существо издало визг боли. Мясистые крюки, воткнутые в мою броню, выскочили, когда ликтор боролся чтобы освободить себя.

Но недостаточно быстро.

Теллурус с огромной скоростью опустил свое лезвие, и разрубил его пополам. Казнь высвободила фонтан чужацкой крови, обдав меня нечистотами.

Разрубленные половины упали с брони. Розовые веревки мокрых внутренностей свисали с кабины.

Актис Бардольф появился возле меня, и стволом уже бесполезной пушки, соскоблил с меня остатки ликтора. Несколько костистых, хрящевых крюков остались торчать из бортов моей кабины.

— Я ведь говорил вам, что за нами шли, — произнес он.

Апофеоз

Корделия шла с гордо поднятой головой. Как супруга барона Роланда, она нигде не была чужой. Дом Кадмус бывал в мирах столь непохожих ни на Вондрак, ни на Райсу, что она удивлялась, как они все еще часть Империи.

Но интерьер храма-кузницы был ни на что не похож. В ее работе не было ничего человеческого, все подчинялось логике и машинам.

Оправленные в железо процессионные коридоры, окутанные паром залы и тяжелое механическое сердцебиение, не принадлежало тем, чьи заботы касались плоти и крови. Она не чувствовала прямую угрозу, но предупреждение, что здесь не приветствуется плоть.

Позади неторопливо шли Малкольм и его рыцари, один их шаг равнялся десяти человеческим. Их орудия наведены и заряжены. Она надеялась, что до сражения не дойдет, хотя угроза возможного насилия была велика.

Она вышла в широкое пространство, крытое стеклянной крышей — собор машин. Стены сплошь покрывали железные панели, на них кислотой вытравлены сакральный бинарный код, священные схемы и эмблемы Марса — шестерня с черепом. Флаги из металлизированного шелка свисали с колоссальных арочных сводов над головой, лучи различного спектра били через все пространство.

Огромный двигатель, увитый гремящими цепями, подобно храмовому органу, стоял во главе дальней стены, только вместо священных гимнов он выпускал пар. Медленно крутящиеся шестерни и шипящие поршни издавали ритмичный глухой стук, словно сердцебиение спящего бога.

В обычном храме можно было ожидать скамьи, где верующие могли бы отдохнуть духом и телом. В этом храме машин не допускалось таких излишеств. Застеленный металлом пол испещряли узловатые линии, странные символы и аннотации, походя на интерьер логического устройства, но скорее всего все было намного сложнее.

— Леди Корделия, — произнесла фигура в черной робе у подножия гигантской машины в

стене. Его голос с легкостью пролетал сотни метров между ними, усиленный акустикой храма или присущим ему необычным свойством.

— Адепт Немоникс, — отозвалась она.

Корделия шла навстречу адепту в сопровождении рыцарей. Смотритель данных — так назвал его Кирано. Она не знала наверняка, что это значило, но виду не подавала.

Немоникс был не один. Вместе с ним виднелись частично заслоненные адептом неясно светящиеся очертания.

— Это голограмма? — сказала Кассия, прижимая книгу к груди, как будто это был самый важный предмет в мире.

Прямо сейчас, Корделия считала, что так оно и было.

— Да, — ответила она. — Это голограмма.

— Как ты думаешь, кто это? — спросила Эйлина.

Корделия ничего не ответила, понимая, что Немоникс может слышать каждое слово, сказанное между ними. Она не намерена показывать свое неведение врагу.

Они были на полпути через храм, когда архимагос Кирано появился из гремящего лифта, обильно смазанного освященной смазкой. Десять скитариев следовали за ним, поблескивая красными доспехами так же покрытыми вязкой смазкой. Блестящие капли падали из перфорированных стволов тяжелого вооружения техностражей.

— Думаю, архимагос разделяет твою злость, — сказала Эйлина.

— Я бы сказала, что он гораздо злее, — произнесла Кассия.

— Он будет еще злее с минуты на минуту, — сказала Корделия.

Ни адепт Немоникс, ни его голограмма не двинулись с места и не произнесли ни слова с тех пор как началось приветствие.

Наконец, Корделия и ее рыцари достигли Немоникса одновременно с Кирано и его скитариями. Точно рассчитанный момент, который просто не мог произойти случайно.

Голограмма, аккомпанируя Немониксу, невозмутимо оценила скитариев. Ее раздражающие

манеры были до боли знакомы ей, и в то же мгновение она поняла почему.

— Так ли необходимо все это оружие? — сказала голограмма. — Я на вашей стороне, в конце концов.

— Что все это значит? — потребовал Кирано. — Почему голограмма обращается ко мне, как будто имеет право голоса? И почему у тебя нет идентификационных подписей или биометрии в ноосферной ауре? Я требую, чтобы ты представился.

— Я адепт Немоникс из хранителей данных, — назвал себя Немоникс. — И я здесь по вашему срочному запросу, архимагос. Я знаю, что вы не обладаете воспоминаниями об этом запросе, но такова цена за использование уникальных навыков хранителей данных. Я никогда не был здесь, и никогда не буду. Я не оставляю следов там, где был, и не оставляю свидетельств своей работы. Все, что остается, так это результат моей работы.

— За исключением того, что это не совсем правда, — сказала Корделия.

— Ты был прав, — сказала голограмма, переводя свой мерцающий взгляд на нее. — Она вздорная, вот эта.

— Мне жалко вас, адепт Немоникс, — сказала Корделия. — Насколько одинокой должна быть жизнь, чтобы голограмма составляла вам компанию

— Меня она вполне устраивает, — ответил Немоникс. — И прошу, избавьте меня от психоанализа, мне хватает этого от него.

— Нужно ли мне озвучить, почему я здесь? — сказала Корделия.

— Я уже знаю, почему вы здесь.

— Я не уверена в этом.

Немоникс вздохнул.

— Уверяю, что, если дело дойдет до состязания «кто знает больше», то я выиграю.

— Ни один из вас не имеет права находиться здесь, — рявкнул Кирано. — Это моя храм-кузница.

Корделия вперила взгляд в архимагоса.

— Благодаря вашим действиям войны Кадмус мертвы, — сказала она. — Вы здесь не чтобы говорить, а чтобы слушать.

— Нет, леди Корделия, — произнес Немоникс. — Это вы послушайте. Я здесь по срочному поручению, обязывающему меня вернуть дом Кадмус под эгиду Механикус. И вы понимаете это. А то, что вы не понимаете, так это неизбежный результат всего этого. Кадмус восстановит шестерню на своей геральдике, и покорится своему будущему служению Марсу, или же будет уничтожен.

— У меня здесь есть рыцари, кто считает иначе.

Немоникс скрестил руки на груди, и прошел мимо собравшихся женщин. Бросив короткий взгляд на Кассию, он остановился перед одним из рыцарей Кадмус.

— Сир Малкольм может не разделять ваше мнение, — сказал Немоникс. Кабина рыцаря открылась, и взору предстал воинственный вид сира Малкольма.

— Это ваш час, сир Малкольм, — сказал Немоникс. — Воспользуйтесь этим шансом чтобы прославиться. Вы готовы забрать командование у Роланда, и с помощью Механикус, дом Кадмус будет вашим.

Малкольм взглянул вниз на Немоникса.

— Знаешь в чем моя проблема? — сказал Малкольм. — Если я могу что-то испортить, я выберу самый неподходящий для этого момент, потому что так смешнее.

Выражение лица Немоникса невозможно было угадать под его маской, но вид шока на лице его голограммы был бесценен.

— Я слышал, — начал Немоникс. — Я слышал, как вы и леди Кассия обсуждали мое предложение. Вы сказали, что солгали Корделии.

— По просьбе леди Корделии, — ухмыляясь, сказал Малкольм.

Корделия вытянула руку, и Кассия передала ей свою книгу.

— Позвольте мне объяснить это вам настолько просто, насколько я умею, адепт Немоникс, — сказала Корделия. — Кассия, я уверена, что вы в курсе, супруга сира Малкольма. Как и многие рыцарские жены, она проводит свое свободное время довольно интересными анахроническими способами. Эйлина играет на скрипке без помощи слуховой аугментации или улучшений ловкости. Айкатерина родила ребенка без обезболивающих или сервиторов медикаи. А Кассия, закоренелый писатель. Она владеет обширным архивом заметок: все они записаны от руки. Вам стоит увидеть ее с Малкольмом покои в Цитадели Големов; книжные полки от стены до

стены, все заполнены журнальными статьями, описывающими ее дни. Все, начиная от того, что она ела, кого видела, что делала и думала. Я читаю только самые последние конечно, и, если опустить многочисленные пассажи о подвигах Малкольма в постели, ее детальные заметки о вас, адепт Немоникс, показались мне очень интересными.

— Заметки в книге? Это все, что у вас есть?

— Детальные заметки, — уточнила Корделия. — Включая все, что я просила ее и Малкольма говорить открыто. После того как вы посетили мои покои, я поняла, что вы возможно можете слышать и видеть все что происходит в Вондрак прайм. Я дала вам то, что вы хотели услышать. Мы общались с ней только через ее дневник, избегая открытых диалогов.

Немоникс вернулся к Малкольму.

— Я слышал о вашем желании занять место барона Роланда, — сказал он. — Мне известно, что вы хотите возглавлять дом Кадмус. Вас гложут изнутри постоянные победы Роланда на охоте. Это все могло бы стать вашим, сир Малкольм, все, что вам нужно было сделать, это позволить мне помочь вам.

— Ты действительно не понимаешь нас, ты тупая задница? — сказал Малкольм. — У рыцаря есть честь и долг, вживленный в него с первого момента после Обряда Становления. Ты правда думал, что я предам Роланда? Я не люблю его, и никогда не любил. Я признаю, что я был бы лучшим лидером дома чем он, но если я получу командование бесчестным путем, какой тогда смысл? Я выиграю Охоту, и очень скоро, но я сделаю это без твоей чертовой помощи.

Немоникс развернулся на каблуках и посмотрел на архимагоса Кирано. Его гнев был очевиден, и Корделия пыталась не показывать свое удовлетворение.

— Леди Корделия считает, что преимущество на ее стороне, но могу ли я показать ей, насколько она ошибается?

— Что ты имеешь в виду? — спросил Кирано.

— Я выполню свои обязательства перед вами, любыми доступными мне средствами, — сказал Немоникс. — Кадмус вернется к Механикус или же будет уничтожен. Покажи им.

Последняя фраза предназначалась голограмме, которая вытянула руку, ставшую нечетким пикт-экраном.

Корделия незаметно вздохнула от облегчения, когда увидела зернистое изображение Роланда и группу остальных рыцарей, выходящих из обширного туннеля. Они пересекли громадную поворотную платформу и поврежденным тягачом.

Самый большой из когда-либо виденных Корделией транспортов следовал за ними, поистине воплощённый левиафан. Каждый рыцарь выглядел поврежденным, но по крайней мере все еще на ходу.

— В данный момент под моим контролем дюжина артиллерийских расчетов полковника Харуна Руканаа, — сказал Немоникс. — Все до единой тяжелой установки. «Василиски», «Бомбарды» и «Мантикоры». И каждая из них сейчас направлена на эту поворотную платформу.

Корделия чувствовала, как кожа становится липкой от пота, но у нее был еще один туз в рукаве.

— Как вы думаете, долго ли остальные рыцарские дома продержатся под Марсианским контролем, после того как поймут, что ты здесь сделал?

— Они не поймут, в этом весь смысл, — сказал Немоникс. — Это то, для чего я нужен.

— Уверяю вас, они поймут, — сказала Корделия. — Ты можешь манипулировать машинами и данными, но тебе не под силу изменить воспоминания людей. Я позаботилась о том, чтобы каждый член дома Кадмус прочел написанное Кассией. Они также сделали свои копии. Каждое слово, написанное ею о ваших действиях здесь, теперь часть их органических мозгов.

— И вы считаете, что это существенно?

Корделия убедилась в тщетности попыток изменить ход мыслей Немоникса, и повернулась к тому, кого переубедить было еще возможно.

— Конечно это существенно, — сказала Корделия обращаясь к архимагосу Кирано. — Не позволяйте ему сделать это. Посмотрите на этот пикт-отчет. Роланд выполнил то, о чем вы его просили. Он доставил Бинарного апостола обратно в Вондрак прайм. Если вы позволите ему убить их, вы станете предателем своего же рода, убийцей и нарушителем человеческих принципов, ничуть не лучше, чем те звери за стенами.

Кирано смотрел на изображение в руке голограммы.

— Адепт Немоникс, Бинарный апостол действительно на борту этого «Капитол Имperiалис»? — спросил он.

Немоникс наклонил голову в сторону, видимо получая свежие потоки данных.

— Да он там, — подтвердил Немоникс. — Он содержится в коллекторном устройстве сомнительного происхождения и ограниченного срока службы. Но пусть это не заботит вас. Я могу бомбардировать платформу и убить рыцарей, даже не поцарапав транспорт.

Кирано кивнул, и тяжело посмотрел на Корделию и книгу в ее руках. Она могла видеть, как он взвешивает потенциальные последствия, возвращения Бинарного апостола, против потери рыцарского дома, и так же понимание того, что он сделал здесь распространится по остальным домам.

— Все чем располагает Кадмус — это чернила нацарапанные на бумаге, — сказала Немоникс.
— Незначительные и неприемлемые для Механикус.

— Самой человеческой природе этой книги, умы рыцарских домов доверятся больше, чем любой бинарной записи, говорящей об обратном.

Корделия поняла, что Кирано принял решение, когда он наконец заговорил.

— Леди Корделия, я не обладаю какими-либо воспоминаниями о назначении этого адепта на подобное задание, — сказал Кирано. — Но я признаю, что я это совершил. Этот барон Роланд без сомнений сослужил великую службу в пользу Механикус.

— Тогда отзовите его, — потребовала Корделия.

— Адепт Немоникс, — произнес Архимагос Кирано. — Я аннулирую любые приказы данные мной в отношении дома Кадмус. Таким образом, я разрываю все возможные связи между нами, и приказываю тебе немедленно покинуть мою храм-кузницу.

Немоникс кивнул.

— Хорошо, если таково ваше желание.

— Все именно так, — вставила Корделия. — А теперь убирайся.

Немоникс пропустил ее требование и сказал: — Я принимаю ваше аннулирование приказа, но уверяю вас архимагос, это породит прецедент неисправимый в будущем. Вам следует подготовиться к тому, что остальные рыцарские дома последуют примеру Кадмус.

Кирано наблюдал за изображением возвращающихся рыцарей, сопровождающих «Капитол Импералис» через окраины города. Побитые, изможденные, но непреклонные.

Архимагос шагнул в сторону, освобождая путь Немониксу к выходу из кузницы.

— Возможно ты прав, Немоникс, — сказал он. — Но такой пример героизма не может быть плохим явлением.

Мы вернулись в Вондрак прайм через те же ворота, через которые вышли из него. Как Магна Прецептор, у меня есть право войти в город первым, но я приказал Актису Бардольфу и Теллурусу маршировать рядом со мной.

— Эта победа принадлежит всем нам, — сказал я им.

Делегация Механикус ожидала нас: три полные роты скитариев под командованием архимагоса. Рыцари Малкольма и делегация Хранителей вместе с группой знати построились для почетного караула.

Я увидел Корделию и наших жен, державших флаги дома, я улыбнулся, когда увидел у нее в руках мой персональный герб.

Смена протекции прошла неподобающе быстро, и скитарии архимагоса уже сопровождали потрепанный «Капитол Импералис» по направлению к храму-кузнице. Дом Хоукштрауд следовал за ним по городу, до конца верные долгу охранять его до тех пор, пока не совершится передача Коллектора с Бинарным апостолом.

Великолепный пример преданности долгу.

Несмотря на мои сомнения по поводу прочности сира Теллуруса, он пережил побег из Викары. Его броня дымилась и болезненно хромала, последний марш давался ему буквально из последних сил. Каких бы Хранителей он не имел, им предстоит проделать огромную работу, чтобы привести его в боевое состояние.

В сопровождении рыцарей Малкольма мы прошли по улицам до Вердус Феррокс. Никто из нас не говорил, встречающие понимали, что из тех, кто вышел на задание, вернулись не все.

Когда мы достигли Вердус Феррокс, я ужаснулся при виде разрушений. Тиранидские орды еще не заразили город, но я видел свидетельства ужасного сражения.

— Что здесь произошло? — спросил я, заводя доспех задом в ремонтные доки. Хранители наполнили их, отсоединяя энерго-линии, закрепляя его в доках и подготавливая меня к отсоединению.

— Небольшая перестрелка, — сказал Малкольм. — Несколько тиранидов посчитали, что возглавят свое вторжение. Мы считали иначе.

Я кивнул, вздрагивая, когда позвоночные соединения вышли из моей шеи.

Закостеневший после длительного пребывания в доспехах, я перегнулся через борт кабины, уличив момент, чтобы выдернуть костяной крюк, оставленный там ликтором. Я сжал его в кулаке, подумав, что из него выйдет интересный маленький трофей.

Я спустился вниз по внутренней лестнице в рыцаре и прыгнул на землю. Ноги не слушались, внутреннее ухо еще не до конца приспособилось под человеческие размеры.

Корделия поспешила ко мне, чтобы поддержать. Одной рукой обхватив меня за плечи она поцеловала меня в губы.

Она скривилась, возможно ощутив остатки крови ликтора на моих губах.

— Тебе стоит помыться, — сказала она. — От тебя воняет.

Я собрался ответить ей, когда услышал грохот металла о камень. Этот звук вызвал всплеск адреналина внутри меня, и я расправил плечи, но вовремя вспомнил, что я уже не в рыцаре.

Хранители дома Кадмус кинулись к сире Теллурусу. Его броня все-таки сдалась от невозможного напряжения. Он уже лежал на боку, искрясь и содрогаясь как человек подкошенный падучей болезнью.

Вместе с поддерживающей меня Корделией я бежал к павшему рыцарю. Что чувствовала броня, тоже чувствовал и пилот, и боль от этой био-отдачи была подобна агонии.

— Вытаскивайте его оттуда, — крикнул я. — Сейчас же!

Хранители принялись за работу над содрогавшимся рыцарем. Когда я наблюдал за ним, мне казалось, что Теллурус каким-то образом сопротивлялся их попыткам, все еще не желая их помощи.

Затем кабина открылась, и я увидел, почему Теллурус никогда не говорил без своих доспехов. В то момент, я понял, что послужило ему причиной выбора пути Вольного клинка.

Сир Теллурус вовсе не сир.

Теллурс — это женщина.

Дом Кадмус не будет сражаться за Вондрак.

Мы ответили на просьбу о помощи, и выполнили для Механикус то, что от нас требовалось. Империи даст бой флоту-улью Гидра, но уже без дома Кадмус. Это решение далось мне нелегко, но после того как Корделия рассказала мне о событиях, имевших место быть здесь в мое отсутствие, у меня не было другого выбора кроме как вывести Кадмус из конфликта.

Воин во мне хотел убить архимагоса Кирано за то, что он сделал, за рыцарей, которых он мне

стоил, но как всегда, Корделия потушила огонь моей ярости. Я увидел, что ничего хорошего из этого не выйдет, но благодаря падению планов Кирано мы обеспечили свою независимость от Марса навсегда.

Я высеку имена павших на арке в Запредельном хранилище. К погибшим из дома Кадмус и дома Хоукштрауд, я добавлю имена стольких аббатов и прогена, скольких смогу узнать. Без них мы бы не достигли успеха, и это честь меньшее, что я могу сделать для них.

Что стало с адептом Немониксом, я не знаю. Сомневаюсь, что хоть кто-то в Вондраке знает. Тот факт, что он и его орден считаются необходимыми у Механикус, еще больше уверил меня в разумности освобождения от Механикус.

Любая организация, применяющая бесчестные методы для навязывания своей воли, не стоит моей службы. Должно произойти нечто грандиозное прежде, чем дом Кадмус ответит на следующий призыв от Механикус.

Рыцари дома Хоукштрауд были назначены остаться в Вондраке. Актис Бардольф и я присягнули клятве братства объединить наши дома. Когда последний раз я видел рыцарей Хоукштрауд, я испытал гордость, увидев печать Кадмус на их боевых лезвиях.

По рекомендации Корделии, я ничего не сказал Бардольфу о планах архимагоса Кирано, или как близко мы были от уничтожения от рук Немоникса.

Некоторые вещи должны остаться без огласки.

И это не все, что осталось в секрете.

После выяснения настоящей личности сира Теллуруса, я закрыл Вердус Феррокс, и приказал Хранителям немедленно отремонтировать броню его рыцаря.

Последняя из своего рода, Теллия — ее настоящее имя — села на трон Механикус своего погибшего отца, когда флот-улей Гидра уничтожил ее родной мир, и вырезал оставшихся из ее семьи. Вместо того чтобы принять свою судьбу и отдаться в руки смерти, она дала бой и сбежала в доспехах рыцаря, сопротивлявшегося ее контролю на каждом шагу.

Это громко говорит о ее храбрости и характере, что она смогла пилотировать рыцарский доспех без многолетних тренировок, или не сойти с ума от боли соединения без подходящих разъемов, вживляемых в позвоночник.

Пилотирование рыцаря женщиной идет вразрез со всеми доктринами рыцарства и традиций. Я должен отлучить ее от доспехов, и подвергнуть наказанию за нарушение тысячелетних традиций.

Но я не буду.

Я обязан Теллие жизнью, и я связан тем же рыцарским кодексом, обязывающим меня наказать ее, так и воздать ей честь.

Более того, я восхищаюсь ею. Я не должен, но она достойна.

Корделия потребовала у меня обещания, что я никогда не заговорю о Теллии, только о Теллурусе. Тяжелое обещание, обман, столь противный добродетелям каждого рыцаря.

За все те годы, что я женат на Корделии, я понял, что, когда она что-то задумала, лучше не вставать у нее на пути.

Сир Теллурус так же был выбран остаться в Вондраке, надеясь найти и уничтожить тервигона, погубившего весь ее род.

Благородная миссия, но боюсь, что с печальным финалом.

Дом Кадмус покидает Вондрак.

Но, всегда есть другие враги, новые, славные войны.

Я чувствую, как доспехи снова зывают ко мне.

Рыцари Кадмус вновь пойдут на войну

Примечания

1

Герои названы автором в честь знаменитых вирусов-троянцев Hydraq и Aurora.

2

Альхазен (в русской транскрипции ибн аль-Хайсám) — арабский учёный-универсал: математик, механик, физик и астроном X–XI вв.

3

Феофилакт Симокатта — византийский писатель и историк, живший в начале VII века.

4

Последние годы жизни Альхазен провел в Басре (современный Ирак).

5

Четырехугольники — единицы административного-территориального деления Марса (по Макнилли). Происходят от 30 прямоугольных карт поверхности Красной планеты, сделанных НАСА.

6

FM-2030 — псевдоним писателя-фантаста Ферейдуна М. Эсфендиари, футуролога и философа, один из основателей трансгуманистического движения. В нашей реальности FM-2030 скончался в 2000 году.

7

Дуку — см. прим.1

8

Полиморф (полиморфный вирус, не путать с полиморфмином) — полиморфизм заключается в формировании программного кода вредоносной программы «на лету» — уже во время исполнения, при этом сама процедура, формирующая код, также не должна быть постоянной и видоизменяется при каждом новом заражении.

9

Кессоны (фр. caisson — ящик от итал. casseta — кассета) — углубления прямоугольной или другой формы в своде, куполе, потолочном перекрытии или на внутренней поверхности арки. Выглядят примерно так.

10

Иланна Павелка — персонаж трилогии Механикус.

11

Энтоптический феномен — зрительные ощущения, возникающие в результате происходящих в глазу изменений, а не вследствие его нормальной стимуляции освещением.

<http://tl.rulate.ru/book/30591/666232>